

ПАМЯТЬ ОБ УЧИТЕЛЕ

Учитель... С этим словом мы знакомимся еще в детстве, когда переступаем порог школы. Оно долго живет в нас, даже тогда, когда школьные и вузовские годы остаются далеко в прошлом, и мы вспоминаем тех, кто нас учил и воспитывал. Но иногда судьба дарит нам такие встречи, когда слово Учитель приобретает особое звучание и значение. Человек, которого мы так для себя называем, становится главным в нашей жизни.

В деталях помню день, когда в 1990 году я впервые пришла на кафедру и познакомилась с Алексеем Ивановичем. Наша беседа определила всю мою последующую жизнь: как заведующий кафедрой педагогики он принял меня на работу, а впоследствии стал и моим научным руководителем. Я и не заметила, как в нашем общении он стал для меня не начальником, а глубоким и мудрым наставником и родным человеком.

Говорят, что кто-то выходил от него в слезах, он сам признавался, что часто невольно обижал аспирантов критикой их работ, но для меня не было ничего лучше беседы с ним. Его критика никогда не носила обидный характер, она всегда была верна и конструктивна, будила во мне желание глубже проникнуть в суть проблемы, разобраться и понять то, что было так очевидно Алексею Ивановичу. При обсуждении с ним моих работ создавалась иллюзия того, что все сделанные им замечания и исправления мне самой были ясны еще до нашей встречи. Ведь почему-то когда он начинал внимательно читать мой текст, все огрехи просто «вываливались на поверхность».

Удивительно, как он умел задавать вопросы! Он формулировал их так, что, отвечая, я открывала для себя свои ошибки и отчетливо видела не замеченные мною ранее аспекты проблемы. Теперь я понимаю, что как научный руководитель он мудро открывал передо мною двери и показывал путь, но никогда не вел за руку или толкал в спину. Беседы с ним создавали ощущение того, что я могу сама домыслить, найти, решить любую научную проблему, точно раскрыть и умело изложить её в виде статьи или доклада. Эти встречи окрыляли, давали силы, хотелось «свернуть горы» и сделать это немедленно. Куда-то на задний план отходили проблемы и заботы, связанные с семьей, с житейским бытом; всё представлялось таким

мелким и незначительным по сравнению с тем, что мы с ним обсуждали, по сравнению с наукой!

Первый вариант моей диссертации вызвал у него разочарование. Он был искренне растерян, прочитав написанное мною. Вкладывая силы и душу в своих учеников, он ожидал достойной творческой отдачи. Его голос по телефону звучал устало: «Приезжайте, будем разбираться...». Уже позже, когда защита диссертации прошла успешно, Лидия Ефремовна рассказала мне о том, как он переживал за тот первый вариант и как верил в мои силы.

Как это часто бывает с яркими, незаурядными, особо одаренными людьми, Алексей Иванович, кажется, и не предполагал, что кто-то из его учеников может быть просто неспособен взять нужную научную высоту. Конечно, он не был наивным человеком, и всегда давал трезвую и объективную оценку каждому из нас, но он верил в нас и стремился раскрыть все наши силы и дарования. Его помощь ученикам была всесторонней – и интеллектуальной, и жизненно-бытовой. Я помню, как он повторял: «Пока я жив, я буду помогать вам, сколько есть у меня возможностей».

Духовно-интеллектуальное влияние Алексея Ивановича формировало нас, его учеников, как педагогов, как людей науки. То, как он вёл нас от выбора темы исследования к составлению многочисленных вариантов плана, постепенному расширению и тезисному наполнению плана научной работы с параллельным углублением в материалы и источники, было отличительной чертой его стиля научного руководства. Это было настолько интересно и продуктивно, что большинство из нас теперь стремится точно так же выстраивать работу со своими учениками. Каждый раз, встречаясь со студентами и обсуждая их первые научные опыты, я вспоминаю Алексея Ивановича и его работу со мной. Мне тоже хочется, чтобы они ощущали и точное, взыскательное научное руководство, и полную свободу в реализации их собственных научных взглядов и идей.

Алексей Иванович учил нас, что для настоящего учёного нет мелочей. Его требовательность и строгость к чёткому оформлению исследования, к грамотности речи, обязательное соблюдение порядка и сроков работы воспитывали в нас научную и человеческую дисциплинированность. Вообще расхлябанность в общении с ним была немыслима. Опоздать на назначенную встречу для меня было невозможно. Я знала, что он всегда ожидал

совместной работы в четко определённое время, и, не смотря на состояние здоровья, был собран и настроен на серьёзный, глубокий разговор.

Его работоспособность была уникальной! Он работал всегда, даже в больнице или на отдыхе, вызывая недоумение окружающих. Помню, как я впервые навестила его в больнице. Увидев меня, входящую в дверь палаты, Лидия Ефремовна произнесла: «Ну, вот, кафедра пошла!». С утра до вечера во все приемные дни и часы к нему не иссякал поток посетителей. Редкий гость приходил просто навестить, чаще с ним обсуждали и решали неотложные вопросы, советовались, приносили читать свои работы. При том, что ноги с годами ходили всё хуже, сердце всё больше болело, и глаза отказывались видеть, его не покидала потрясающая тяга к жизни, желание работать, действовать, решать проблемы, помогать, интересоваться всем новым, участвовать по возможности в происходящих вокруг событиях.

Главным методом работы Алексея Ивановича был личный пример. Всё, чего он хотел от нас, он сам проявлял в своей деятельности. Никогда за многие годы нашего знакомства у меня не возникло ни тени сомнения в его словах. Они всегда подтверждались делом. Своей жизнью, своими поступками он демонстрировал облик истинного ученого, академика науки, настоящего патриота и честного человека. Находясь вдали от академических бурь, я, тем не менее, часто видела его искренние переживания, глубокую профессиональную и человеческую заинтересованность в происходящих изменениях и в РАО, и в целом по стране. Его душа и ум, отданные педагогической науке, болели и боролись за неё до последнего дня его жизни. Он никогда не оставался равнодушным, безучастным к любым действиям, мнениям, идеям, которые так или иначе касались педагогики. И этому он учил своих учеников. К сожалению, никто из нас не сумел занять его смелую и решительную позицию, стать таким же борцом, как он. Никто не «наследовал» его сильный характер, его смелость, умение высказать своё мнение в глаза оппоненту и так точно подобрать слова, что ответить тому, как правило, было нечего. Наверное, это в принципе невозможно, ведь надо было бы во всём стать таким, каким был он! Но колоссальное влияние личности Алексея Ивановича не прошло бесследно. Каждый из нас признает сейчас, что смотрит глазами своего учителя на происходящее вокруг и всегда думает: «А чтобы сказал на это Алексей Иванович?»

Он был строг, умел быть начальником, руководителем. Но я не помню, чтобы он приказывал, не объяснив своего решения. Ему важно было иметь единомышленников, а не подчиненных. Заботясь, прежде всего, о деле и ставя во главу угла учебные и научные интересы кафедры, он не пренебрегал людьми, а стремился разрешить ситуацию с возможной пользой для них. Бывали случаи, когда на заседании кафедры рассматривались вопросы об отчислении из аспирантуры, и эти предложения исходили от Алексея Ивановича. Ему было очевидно, что разобравшись в своих делах, аспирант сможет восстановиться и завершить в нужные сроки научный труд. Проявить жалость и оставить его учиться было бы «медвежьей услугой», когда к окончанию аспирантуры тому нечего было бы защищать. Но Алексей Иванович умел без сожаления расставаться с теми сотрудниками, коллегами, учениками, которым становилось не по пути с кафедрой, с педагогической наукой и тем её развитием, которое отстаивал он.

Иногда, отдавая распоряжения или обсуждая проблему, Алексей Иванович, казалось бы, не разобравшись полностью в ситуации, мог незаслуженно обидеть. Но как сильный человек, поняв свою неправоту, всегда извинялся, находил нужные слова. Он никогда не был груб, не повышал голоса, даже когда по-настоящему сердился. Между тем, я не помню случая, чтобы в серьёзном деле, в разрешении сложной жизненной ситуации или научной проблемы он оказался неправ. Мы слегка подсмеивались над этим фактом, но жизнь убедительно доказывала каждый раз, что Алексей Иванович опять всё верно увидел и рассудил.

Общение с ним показало мне, что такое интеллигентный человек. Ведь достигнув таких карьерных высот, заработав такой колоссальный авторитет своей научной деятельностью, он никогда ни перед кем не выставил напоказ свои заслуги, всегда общался «наравне» с любым своим подчиненным, аспирантом, человеком с улицы, оценивая собеседника не по официальным регалиям, а по человеческим и профессиональным качествам.

Не все отношения в жизни Алексея Ивановича складывались безоблачно. Было и непонимание, и некрасивые поступки со стороны коллег и учеников. Конечно, он переживал, особенно когда не мог объяснить себе причины таких поступков. Однако дорога в его дом оставалась для всех открытой. Если, поняв свою неправоту, кто-то приходил к нему с извине-

ниями, он не помнил зла. Он часто повторял, что все люди могут ошибаться, и ценил тех, кто имел силы это признать.

Для меня давно очевидно, что не будь Алексея Ивановича, я была бы другой. И как педагог, и как человек. Удивительно, как он, не навязывая своего мнения, учил видеть и понимать мир и людей. Наши встречи и беседы с ним касались широкого круга вопросов, не только научно-педагогических. Эти разговоры формировали моё мировоззрение, воспитывали отношение к жизни в целом. Сейчас я понимаю, что он был не только Учитель, но учитель-друг, который заменял мне отца вдали от родительской семьи. Я чувствовала его доброе, сердечное отношение и искренний интерес к моим личным делам. Ему можно было многое рассказать, поделиться горестями и радостями и всегда найти поддержку и человеческое участие. А мне всегда хотелось подарить Алексею Ивановичу свою благодарность и душевное тепло. Не знаю, удалось ли мне донести до него свои чувства, дать понять, как он дорог мне.

У меня на даче стоит кресло, в котором сидел он. Когда-то я получила в дар от семьи Алексея Ивановича два кресла и диван, эта мебель очень выручила нас после свадьбы дочери. Теперь в его кресле сижу я. Сижу и вспоминаю о нём, о доброте и теплоте его дома, о годах нашего общения, о тех часах, что мне удалось быть рядом с ним.

Разные воспоминания всплывают в памяти, в том числе и новогодние. Как-то особенно приятно было приезжать к нему в конце каждого года, когда ровно 31 декабря в семье Алексея Ивановича и Лидии Ефремовны появлялась серебристая елочка с игрушками, дом украшали шары и гирлянды. Радость праздника, искренность поздравлений и пожеланий поднимали мне настроение. По зодиакальному году мы были с ним одного знака, и он шуточно сообщал мне «наши» перспективы. Мы просто пили чай или вино, говорили о том, о сём, мне было легко поделиться наболевшим, посоветовать на шалости детей, на болезни родителей – это были, казалось, обычные встречи, а помнятся до сих пор.

Алексей Иванович был радушным хозяином, стремился сделать приятное всем своим гостям, с удовольствием рассматривал и от всей души благодарил за подарки в День его рождения. Делал он это так, что у дарящего не оставалось сомнения в том, что именно о таком подарке Алексей

Иванович мечтал всю жизнь. Поэтому поздравлять его было очень приятно!

Он всегда прекрасно выглядел – был ли он дома в повседневные будни или на торжественном мероприятии. Всегда опрятный, ухоженный, гладко выбритый, Алексей Иванович не допускал небрежности в своем внешнем виде. А его костюм и роскошная бабочка в праздники покоряла всех! Он сам был внимателен к внешнему виду окружающих, всегда замечал обновку, говорил приятные слова, когда удавалось хорошо выглядеть. После защиты диссертации он поцеловал меня и сказал: «Вы сегодня – королева!».

Кажется, что это было только что, буквально вчера, а сколько лет пролетело с той минуты! Уже нет с нами Алексея Ивановича, и в наступающее его 90-летие мы можем лишь вспоминать и говорить о нём. Первый раз за эти годы, прошедшие без него, я пишу о нём. Ещё трудно, тяжело, ещё пока не покинуло меня чувство горькой, безвозвратной потери. И всё же память о моём Учителе постепенно становится всё светлее, и меня всё больше наполняет осознание радости от встречи с моим дорогим Алексеем Ивановичем на этой земле.

Наталья Николаевна Баркова